

Aelita Brett

Убийство без прикосновения

<https://litres.ru/74605837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он читает людей, как открытые книги. Она ломает их, не прикасаясь.

Агент ФБР Джулиан Кроу приезжает в Миннеаполис за тем, кто доводит людей до самоубийства через экран. Он находит её и вместо ареста заключает сделку: она учит его своему методу, а он закрывает глаза на то, что увидел.

Но у Алисы есть правила. И компромат на человека, который сам убивает руками.

Она не прикасается. Он не умеет иначе. А брат, который всю жизнь держит Джулиана на коротком поводке, уже едет в Миннеаполис.

Книга первая серии «Не чувствую».

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	6
Глава 1	11
Миннеаполис	11
Глава 2	25
Местные	25
Глава 3	35
Дом с качелями	35
Глава 4	46
Спрячься	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Aelita Brett

Убийство без прикосновения

Дисклеймер

Предупреждение о содержании

18+

Книга «Убийство без прикосновения» предназначена для читателей старше 18 лет. В ней затрагиваются тяжёлые темы и присутствуют сцены, которые могут вызвать сильный эмоциональный отклик. Преступления показаны с точки зрения героев, без романтизации насилия.

В книге присутствуют:

убийства, жестокое насилие и пытки, в том числе показанные глазами героя;

тема самоубийства, в том числе с упоминанием подростка;

домашнее насилие, физическое насилие над ребёнком и другие преступления против несовершеннолетних;

смерть ребёнка;

удушение, преследование, шантаж, психологическое давление и манипуляции;

алкоголь и наркотики;

сцены близости между взрослыми по взаимному согласию.

Как это показано:

Насилие над детьми представлено как преступление и источник тяжёлой травмы, а не как развлечение или способ оправдать жестокость. Сцены убийств показаны жёстко, без смягчения жестокости.

Если перечисленные темы могут быть для вас болезненными, пожалуйста, учитывайте это при выборе книги и берегите себя.

Пролог

Портленд. Весной.

Мэттью Дойл раздал долги в четверг.

Не все, только те, что мог. Двести долларов брату, которому давно не звонил. Сто пятьдесят соседу снизу за какую-то ерунду, о которой тот сам успел забыть. Он ходил по подъезду с конвертами и говорил: «Нашёл. Должен был». Сосед смотрел на него так, как смотрят на человека, который вдруг заговорил по-французски.

К вечеру в квартире стало пусто, как после переезда. Диски он отдал, пальто тоже, кофеварку оставил у двери с запиской «берите». Остались стол, кровать и ноутбук.

Письмо пришло в девять двенадцать.

От Лены. Тема: «Нашла».

Мэтт, смотри, что я нашла на папиной флешке. Арбуз на крыше у деда, помнишь? Мне кажется, мы там смеёмся. Ссылка ниже, он тяжёлый.

Он прочитал это дважды. Потом закрыл лицо ладонью: Лена не писала ему с марта, а он ей с октября, и оба делали вид, что это просто занятость. Он сидел так долго. Когда отнял руку, ладонь была мокрой.

Он нажал.

Экран мигнул. Потом ещё раз. Одно окно открылось, за ним второе, третье, они вставляли друг на друга, как карты,

которые никто не тасовал. Он потянулся закрыть первое, и оно не закрылось. Выдернул провод. Нажал на кнопку питания и держал, пока палец не побелел. Ноутбук не выключился. Он гудел всё громче, по-птичьи, как вентилятор, у которого просят слишком много.

— Нет. Нет, подожди. Там же всё...

Там было всё: двадцать лет работы, фотографии матери, переписки, которых он стыдился, и несколько таких, которых не стыдился. Из-под клавиш потянуло горячей пылью. Что-то сухо щёлкнуло. Брызнули искры, мелкие и жёлтые, как от бенгальского огня, и экран погас.

Стало тихо. Только запах.

Телефон на столе загорелся.

Не уведомление. Не звонок. Сообщение в старом аккаунте социальной сети, который он не открывал годами — с тех пор, как удалил приложение и забыл пароль, и был уверен, что там давно никого и ничего. Аккаунт, который он завёл ещё в колледже, где на аватарке до сих пор стояла фотография с какого-то чужого дня рождения, а в друзьях висели люди, чьи имена он уже не помнил.

Уведомление висело на экране блокировки — одно слово. Он прочитал его и не удивился. Так читают расписание поездов, которое давно знаешь наизусть.

«Сегодня?»

Пальцы дрожали так, что он трижды промахнулся мимо букв. Ответил одним словом. Отправил. Секунду ждал, что

придёт ответ, но ответа не пришло: ответ был уже не нужен.
«Да».

Потом он стёр всё. Переписку. Контакты. Фотографии, которых было немного. Заметки. Каждый раз телефон спрашивал, уверен ли он, и каждый раз он нажимал «да». Когда экран стал пустым, как у новой коробки, он положил его на стол лицом вниз.

В ящике нашлись ручка и лист бумаги. Он давно не писал от руки, пальцы не помнили, как держать. Начал и зачеркнул. Начал снова. Одна строка вышла сама, как привычка, которой он не собирался поддаваться. Он прочитал её и узнал, как узнают голос в соседней комнате.

Он писал долго. В окне напротив мыли посуду: чужие руки двигались без спешки, как у людей, которым некуда торопиться.

Когда он закончил, буквы расплывались — то ли от слёз, то ли от того, что рука больше не слушалась. Он сложил лист пополам. Потом ещё раз. Положил на середину стола, придал краем кружки, которую забыл отдать.

Потом он заревел.

Не тихо, не красиво — так, как режут, когда всё тело становится одной сплошной судорогой, и воздух входит в лёгкие с усилием, будто его пропускают через фильтр. Он сидел на полу у кровати, обхватив колени, и выл — глухо, в собственные руки, чтобы не слышали соседи. Никто не постучал. Никто не спросил. Весна шумела за окном чужими

голосами.

Потом затих. Вытер лицо ладонью — мокрое, солёное, чужое. Посидел. Дыхание выровнялось. Стало почти спокойно. Почти.

И снова накрыло. Теперь беззвучно — только плечи ходили ходуном, и слёзы капали на пол между колен, тёмными круглыми пятнами. Он кусал губу, чтобы не выть, но всё равно выло где-то внутри, глубоко, как в трубе.

Так — то затихая, то снова — прошло, наверное, полчаса. Может, час. Он не считал. В какой-то момент понял, что сидит уже не от горя, а оттого, что надо встать, а встать было страшно.

Он встал. Всё ещё всхлипывая, вытирая лицо рукавом, как ребёнок. В шкафу нашёл ремень. Хороший, кожаный, отцовский — тот единственный, что он не отдал, потому что не смог объяснить, зачем ему чужой ремень. Пряжка была тяжёлая, холодная. Он провёл по ней пальцем, будто проверял, настоящая ли.

Он не торопился. Впервые за долгое время ему некуда было спешить.

Он подставил табурет — тот самый, с облупленной краской, на котором сидел, когда курил в форточку. Затянул ремень на трубе. Проверил узел. Дёрнул. Держит. Пальцы дрожали, и он снова заплакал — тихо, беззвучно, пока затягивал.

В окне напротив всё ещё мыли посуду. Женщина в жёлтых

перчатках подняла голову, посмотрела в его сторону — и не увидела. За стеклом, в темноте, его уже почти не было.

Он надел петлю. Кожа легла на шею — плотно, почти нежно. Слёзы текли по щекам и капали на воротник, и он всхлипнул — коротко, по-детски, — и тут же затих.

— Ладно, — сказал он вслух. Голос сорвался. Никому. Оттолкнул табурет.

Глава 1

Миннеаполис

Номер на семнадцатом этаже смотрел на город, как хирург на вскрытый череп.

Джулиан Кроу стоял у панорамного окна, руки в карманах, плечи расслаблены, лицо ровное. Он думал, что Миннеаполис ночью похож на разлитую по столу лужу: тёмная, с мерцающими разводами, бесконечная. Где-то внизу текла Миссисипи. Он не видел её, но знал, что она там. Знание было лучше, чем вид. Знание всегда было лучше.

Окно занимало всю стену, без рамы и переплёта, сплошной лист тонированного стекла. Сверху всё мелкое становилось плоским и понятным, а люди превращались в точки. Ему нравилось. Он их не видел, и это было удобно. Из окна его вашингтонского кабинета город выглядел так же, муравейником, и Джулиану каждый раз хотелось наступить. Он не наступал. Он ждал.

Пальто он не снял, хотя в номере было почти душно: отель топил так, будто в сентябре гостям нужна сауна. Тяжёлое, тёмное, своё. Он этого не замечал.

На кровати лежали четыре папки.

Он отвернулся от окна, сбросил на пол тугое белое покры-

вало и разложил папки веером на простыне. Верхний свет не включал: хватало того, что сочилось с улицы и из ванной. Так лица на обложках казались не фотографиями, а чем-то другим. Не мёртвыми. Ушедшими.

Мэттью Дойл, сорок один, Портленд, программист. С фотографии он смотрел так, как смотрят люди, которых попросили улыбнуться, а они не поняли зачем. За месяц до смерти он уволился и продал дом: не выставил на торги, а отдал за два дня первому, кто позвонил. Так избавляются не от дома, а от свидетелей. Его компьютер превратился в кирпич: диск выжжен, плата оплавлена, будто её сунули в духовку. В кэше телефона остался один адрес, почтовый сервер, зарегистрированный в Миннеаполисе. Записка занимала почти две страницы. Джулиан прочёл её трижды. Там было всё, что положено, и одна фраза посередине, которая ни к чему не относилась и торчала, как чужой палец на снимке: «Я никогда не любил этот город, но он хотя бы знал, как меня зовут».

Рейчел Нг, тридцать четыре, Остин, бухгалтер. Она вернула долги, все до цента, удалила соцсети и сказала подруге: «Я устала быть собой». Люди, которые собираются уйти, любят, чтобы счета сходились. Записки не нашли. Компьютер, кирпич. Телефон, тот же сервер, тот же город.

Кевин Лоусон, двадцать девять, Чикаго, преподаватель музыки. Он сдал ключи от класса и перестал ходить на репетиции. На столе осталась недопитая чашка чая. Джулиан задержался на ней дольше, чем на записке из трёх строк.

Чай оставляют, когда собираются вернуться. Или когда хотят, чтобы так думали. Компьютер, кирпич.

Дебора Финч, пятьдесят два, Сиэтл, журналистка, вдова. Она закрыла ноутбук и больше не открывала, а редактору сказала, что берёт паузу. «Пауза» слово, которое оставляет дверь приоткрытой. Записки нет. Компьютер, кирпич.

Общего почти ничего: разные города, возрасты, профессии, ни одного пересечения по знакомым и соцсетям. Он проверил. Команда проверила дважды. Общее было другое. Каждый из четверых ровно за месяц до смерти замолчал, ушёл, раздал долги и вещи и сказал кому-то короткую фразу, которая была не его. А потом железо послушалось чьей-то команды. Два телефона вели в один город. В его город. На время.

Две записки из четырёх. Это могло ничего не значить. А могло значить, что остальные тоже писали, но записки исчезли.

Джулиан не верил в совпадения. Он верил в структуру.

На трёх страницах, которые он принёс Эллисон, были выписаны не совпадения, а несовпадения: то, чего не было, но должно было быть. Она держала их двумя пальцами, как мокрую тряпку.

— Ты уверен, что это не совпадение?

— Я уверен, что это структура.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда оказываюсь прав.

Она вздохнула и подписала. «Разберись и возвращайся», — сказала так, будто посылала ремонтника чинить кран.

— Месяц, — добавила она, не поднимая глаз от бумаг. — Потом ты возвращаешься, и разговор о командировках закрыт. Твой брат уже спрашивал, когда ты снова будешь в городе.

Он не ответил. Это был её способ сказать, что она знает больше, чем говорит.

Он собрал папки, убрал в портфель и поставил портфель на стол у окна. Углы параллельны краю стола.

Душ он принимал долго, горячий, до покраснения кожи. Вода текла по шраму, который шёл от виска к темечку. Джулиан не думал о нём. Он думал о фразе про город, который знал, как зовут Мэттью Дойла.

Он выключил воду и стоял, слушая, как капает. Кап, кап. Как в домах, где протекла крыша и никто не чинит. Кафель под ногами был белый, безупречный, гостиничный. На таком кафеле ничего не остаётся: ни пятен, ни следов, ни воспоминаний. Утром придёт горничная, протрёт, и будет чисто.

Он растёрся жёстко, без нежностей, как протирают оружие, обернул полотенце вокруг бёдер и посмотрел в зеркало.

Зелёные глаза. Прямая спина. Лицо, которое могло бы принадлежать актёру из рекламы дорогих часов, или хирургу, или политику, или тому, кто продаёт людям ненужное, потому что смотрит так, что им хочется купить. Шрам от виска к темечку, бледный, рельефный, как дорога на карте.

Он его не прятал. Люди любят шрамы: те делают их интересными, а тех, кто их носит, сложными. Когда спрашивали, он отвечал: служба, пуля по касательной. История была хорошая и ничего не стоила. Джулиан Кроу не был сложным. Он был прямым, как нож. Но и нож бывает красивым, если правильно положить на свет.

На левом плече дракон. Тёмный, детальный: чешуя, крылья, пасть. Он перекрывал то, что было раньше. Джулиан не смотрел на то, что под драконом. То, что под драконом, было. Дракон есть.

Белая футболка, чёрная куртка, тёмные прямые джинсы без дыр и потёртостей. Потёртостей он не носил. Потёртость это износ. Он поправил часы на запястье.

На улице пахло осенью и выхлопом.

Миннеаполис в сентябре не знал, чего хочет. Лето цеплялось за тротуары тёплым асфальтом, но воздух уже стал прозрачным и жёстким, как первое предупреждение. Люди шли по Николет-авеню в куртках, наброшенных на плечи: не надетых, а именно наброшенных, будто не решились. Бюро погоды обещало к выходным похолодание. Бюро погоды не знало ничего.

Из пекарни, которая работала допоздна, тянуло корицей и горячим сахаром, и у Джулиана свело челюсть. Он прошёл мимо, не ускоряя шага. Он не любил этот запах. Никогда. И не спрашивал себя почему.

Телефон в кармане коротко дрогнул, один раз, будто кто-

то постучал изнутри. Он знал, кто, не доставая: одна буква на экране, «А.». Брат звонил третий раз за неделю. Джулиан шёл дальше, не ускоряя шага, и только дракон на плече на секунду стал горячим.

Шёл чуть медленнее потока: торопящийся человек выглядит слабым. В каждой витрине шёл он сам, высокий, светлый, в чёрной куртке. У закрытой аптеки сидела старая овчарка и ждала хозяина. Он глянул на неё и пошёл дальше.

Он думал о записках. Люди пишут то, что лежит на поверхности: «устал», «прости», «достаточно». А то, что под этим, уходит вместе с ними. Другие искали мотив. Джулиан искал управление. Мотив можно подделать, а структура всегда оставляет след.

Есть люди, которые убивают руками. Есть те, кто убивает словами. И есть те, кто умеет сделать так, чтобы человек убил себя сам: без приказа, без угрозы, чем-то другим, что не оставляет следов в протоколе, потому что следы внутри. Он встречал таких дважды. Один сидит. Второй до сих пор ходит где-то, и никто не знает, что он ходит. Джулиан знал. Но доказать не мог. Пока.

Бар назывался «The Local», и это было место, куда приходят пить, а не притворяться.

Джулиан выбрал его без причины, вернее, без причины, которую мог бы сформулировать. Просто свернул, увидел вывеску, почувствовал. Иногда тело знало то, что голова ещё не успела.

Внутри было темно и тесно. Низкий деревянный потолок с трубами, которые не прятали, а красили в чёрный. Кирпичные стены, на них чёрно-белые рамки: мосты, реки, люди, которых никто не знал. Пахло пивом, деревом и старым табакеркой, который давно впитался в кресла. Играл блюз, тягучий, с гитарой, которая держала ноту, как человек, не желающий заканчивать разговор. Би Би Кинг, The Thrill Is Gone.

Он сел у стойки, не в углу и не в центре, а между: отсюда видны и дверь, и зеркало за бутылками. Бармен, толстый, рыжий, с бородой лесоруба и выцветшим якорем на предплечье, налил, не спрашивая марку. Джулиан не возразил. Бурбон был хорош.

Он сделал первый глоток и почувствовал взгляд. Не услышал, не увидел: почувствовал, как лёгкий сквозняк на коже.

Не обернулся. Посмотрел в зеркало, старое, с тёмными пятнами по краям, где бутылки казались выше, а лица уже. За три стула от него сидела женщина. Тёмные волосы чуть ниже плеч, не убраны, просто лежат, как лежит. Левое плечо открыто, рубашка сползла, и она не поправляла. Бокал с чем-то прозрачным. Она смотрела в телефон, но минуту назад смотрела на него, и он это знал.

Он допил, повернулся на стуле, медленно, будто только сейчас заметил, что в баре есть другие люди.

— Не помешаю?

Она подняла глаза: карие, смешливые. Не красавица в журнальном смысле, а в другом: красота, которая приходит

на третьем взгляде.

— Зависит от того, что вы собираетесь сделать.

— Пока ничего. Сiju.

Она улыбнулась уголком рта.

— Хороший план.

— Я вообще-то агент ФБР. Мы умеем сидеть.

Она моргнула, потом рассмеялась, коротко, по-настоящему.

— Серьёзно?

Он показал бейдж. Не для дела, просто так. Реакции всегда были разными, и каждая что-то говорила о человеке. Эта сказала, что она не испугалась и не впечатлилась: смотрела на бейдж, как на меню в ресторане, с интересом, но без трепета.

— Далеко от дома.

— Командировка.

— Опасная?

— Не скажу, даже если да.

— Почему?

— Тогда вы уйдёте, а я этого не хочу.

Она прищурилась, оценивая. Не бейдж и не внешность, а то, что за ними. Он знал этот взгляд. Видел его редко, потому что редко давал повод.

Её глаза скользнули выше, к виску.

— Откуда шрам?

— Служба.

— Пуля?

— По касательной.

— Больно было?

— Не помню.

— Хороший ответ, — сказала она. — Я бы такой записала.

Он отметил это и не стал спрашивать.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Джулиан.

— Просто Джулиан?

— Пока просто.

Она допила бокал, поставила его и повернулась к нему полностью: колено к колену, локоть на стойку. На левом запястье, у самой ладони, была царапина, свежая, длинная, будто от кошачьих когтей. Она не прятала её, но и не показывала. Просто была. Джулиан посмотрел на царапину и не спросил.

— Я Кейт, — сказала она.

Имя прозвучало с запинкой в полвдоха, как пальто, которое примеряют перед зеркалом. Он счёл это кокетством.

— И если вы собираетесь продолжать в этом духе, мне нужен ещё один коктейль.

Он заказал два: ей то же, себе ещё бурбон.

— Ну и зачем вам это? — спросила она, принимая бокал.

— Что?

— Вечер с незнакомкой в чужом городе. У вас же дело. Агенты по делу в барах не сидят.

— Откуда вы знаете, что делают агенты?

— Фильмы.

— В фильмах они ещё и по крышам прыгают. Я не прыгаю.

— Жаль.

Он посмотрел на неё. Сказала легко, без подтекста. Или с подтекстом. С такими, как она, не поймёшь: игра это или манера.

— Я работаю лучше, когда не думаю о работе.

— Все так говорят. И все врут.

— Я не все.

— О, скромность. Главное качество агента ФБР.

— Одно из.

— А какое главное?

Он наклонил голову и посмотрел на неё так, будто она уже дала ответ и просто ещё не знает об этом.

— Знать, когда человек врёт.

— И я вру?

— Сейчас нет. Но будете.

Она рассмеялась, дольше, чем в первый раз, и откинула волосы со лба: так она делала, когда ей было хорошо.

— Ладно, агент Джулиан. Раз вы знаток лжи, скажите, что я скрываю.

— Вы не одна. Не в смысле компании, а в смысле: у вас кто-то есть. Мужчина, который думает, что вы дома. Или у подруги.

Улыбка исчезла на секунду. Потом вернулась другой, той, что прикрывает.

— Хороший трюк. Если бы вы не ошиблись.

— Я не ошибся.

— У меня никого нет. Вы промахнулись, агент.

Он не поверил. Но настаивать не стал: спорить с женщиной о её жизни значит тратить время.

— Тогда простите.

— Вы не прощения просите, — сказала она. — Вы проверяете, как яотреагирую.

Он поднял стакан. Ответ был бы лишним.

Они разговаривали. Он не спрашивал о работе, это было скучно. Она не спрашивала о деле, это было умно. Говорили о городе, о холоде, который идёт, о баре, о том, почему она здесь одна. Она ответила «просто так». Он знал, что это неправда, а она знала, что он знает.

— Я здесь, потому что мой кот умер, — сказала она вдруг.

Он не ждал. Она смотрела в бокал, и это уже не было «просто так».

— Сочувствую.

— Его звали Майкл. Как архангела. Но он был просто рыжий и толстый. Спал на моей подушке. И вот.

Она допила, поставила бокал. В глазах не было слёз, но было то, что он узнал: усталость от потери. Как будто жизнь это рюкзак с дырой, и всё время что-то высыпается, и ты уже не нагибаешься.

Джулиан этого не чувствовал. Он видел.

— Майкл хорошее имя для кота.

Но она улыбнулась, значит, сказал правильно.

Музыка сменилась, что-то помедленнее, с пианино. Он наклонился ближе: не резко и не жадно, а так, как садится тень, когда солнце опускается. Она не отстранилась.

— Здесь шумно.

— И что?

— Я знаю место.

— Вы в городе первый день.

— Я знаю место, — повторил он. Баритон с хрипотцой, которая в этот час делала слова тяжёлыми, как монеты.

Она решала. Подалась вперёд, остановилась, снова вперёд и осталась.

— Ладно.

Он встал первым и протянул руку. Пальцы у неё были прохладные.

У двери она обернулась.

— Вы точно знаете, куда мы идём?

— Нет.

Это была правда. Редкая для него вещь.

Она засмеялась в третий раз, и этот смех был лучшим, потому что в нём не было проверки.

Воздух на улице стал холоднее, или ему показалось. Фонари на Николет-авеню бросали на тротуар жёлтые круги, и они шли через них, как через лужи света: он чуть впереди,

она рядом.

На углу у банка стоял человек в сером пальто. Не курил, не смотрел в телефон, просто стоял. Джулиан отметил его, как отмечал собаку у аптеки, и не обернулся.

— Вы всегда идёте первым? — спросила она.

— Да.

— А если я захочу повернуть?

— Повернёте.

— А вы?

— Догоню.

Она хмыкнула, но шаг ускорила: не чтобы обогнать, а чтобы быть рядом. Плечо к плечу.

Где-то за кварталами, за крышами, за рекой, которую он не видел, но знал, город спал. Или не спал: города не спят, они притворяются, и этим тоже похожи на людей.

Четыре человека. Четыре самоубийства. Четыре кирпича вместо компьютеров. Четыре последние фразы, сказанные тем, кто не понял. И одна, про город, который знал, как его зовут.

Два телефона ведут сюда. Если он прав, следующий будет через месяц. Если не прав, следующий будет тоже, и он не узнает, почему.

Он найдёт. Он всегда находил.

Но это завтра.

А сейчас были бурбон и холод миннеаполисской ночи. Царапина на левом запястье Кейт, свежая, длинная, будто

от кошачьих когтей. Кот, которого она похоронила. «Просто так», которое не было просто так.

Он не думал об этом. Пока.

Глава 2

Местные

Он проснулся в начале седьмого. Правая половина кровати была смята и уже остыла.

Имя он помнил. Это было странно: он не запоминал имён. Имена были ярлыками, а ярлыки он клеил на то, что собирался использовать. Кейт. На тумбочке лежала салфетка с номером, написанным угловатым торопливым почерком. Он посмотрел на неё секунду, смял и бросил в корзину. Потом постоял над корзиной, глядя на белый комок, и не стал думать, почему постоял.

Здание муниципалитета на Южной Четвёртой выглядело так, будто его строили, чтобы напомнить: время здесь течёт иначе. Розовый гранит, тяжёлые своды, узкие окна. Романский стиль, который не просит восхищения, а требует уважения. Джулиан поднялся по ступеням без спешки. Спешка выдаёт нетерпение, нетерпение выдаёт слабость.

Внутри пахло старым ковром, остывшим кофе и бумагой. Запах, который въедается в государственные стены и становится их голосом. Но на третьем этаже к нему примешалось другое, сладкое и тёплое: кто-то ел булочку с корицей. Джулиан остановился на площадке на полшага дольше, чем нуж-

но. Челюсть светло. Он дышал ртом, пока не дошёл до конца коридора, и сел за свой стол спиной к тому, откуда тянуло.

Пять столов, четыре заняты. Пятый, у окна, стоял пустой: новенький ноутбук, телефон, ничего лишнего. Люди за остальными делали вид, что заняты, и краем глаза следили. Федерал из Вашингтона. Чужой. Он считывал это мгновенно, как другие считывают погоду, и ему было не всё равно: ему нравилось. Взгляд, который не любит, всё равно взгляд. Ему нужно было, чтобы в комнате кто-то смотрел на него.

Он умел читать людей так, как читают небо те, кто живёт под открытым: по необходимости. Давно, и не по своей воле.

Он открыл ноутбук и положил рядом четыре папки. Тоби прислал утром то, что он просил: выборку по способу совершения. Ранее осуждённые за компьютерное мошенничество и несанкционированный доступ, освобождённые в Миннесоте за последние полгода. Одиннадцать имён, у каждого фотография, срок, адрес и куратор. Обычная рабочая выборка, из тех, что любой следователь составляет первой. Он пробежал её глазами, ничего не выделяя. Имена как имена. Один из этих людей не доживёт до конца недели, но Джулиан этого ещё не знал.

Шаги он слышал раньше, чем увидел человека. Тяжёлые, размеренные, с лёгкой хромотой на правую ногу, вросшей в походку, как у тех, кто много лет носит кобуру на одном боку. Рей Колдуэлл появился в проёме и заполнил его собой. Крупный, седой, в пиджаке, который жал в плечах. Лицо об-

ветренное, глаза серые, маленькие, внимательные. Не враждебные. Усталые и настороженные.

— Кроу?

— Да.

— Колдуэлл. Рей. — Руки он не протянул. — Вам выделили стол. У окна.

— Вижу.

Рей подошёл на расстояние, где можно говорить, но не вторгаться. Джулиан отметил, что расстояние выбрано точно. Он сам выбрал бы такое же.

— Кофе нет. Машина сломалась в марте, никто не чинит, все пьют из термосов. Тэмми нальёт, вон та, с кружкой, но не любит, когда просят дважды. Туалет в конце коридора налево. Если закрыто, значит, кто-то курит в окно. Не стучите. Принтер за моей спиной, зажёвывает бумагу. Не дёргайте: откройте заднюю крышку, вытащите лист.

Джулиан кивнул. Запомнил: Тэмми, кружка, не просить дважды.

Рей чуть наклонил голову.

— Вы всегда так?

— Как?

— Не спрашиваете. Просто киваете.

— Если понадобится, спрошу.

Рей хмыкнул, без злости, как хмыкают, когда решили не любить человека и ждут повода передумать.

— Это наше дело, Кроу. Мы справляемся. Четыре штата,

один город, федералы с папками, всё понятно. Но у нас двадцать три нераскрытых, — он кивнул на карту на стене, утыканную красными булавками, — и каждое чьё-то.

Джулиан посчитал булавки, не задумываясь. Двадцать три. Он не стал спрашивать. Пока не его дело.

Рей не станет союзником, и дело было не в том, что он плохой полицейский. Он был местным. Местные не любят, когда федералы приходят со своими папками и уходят с их делами. Для Рея Джулиан был не помощником, а помехой. Джулиан принимал это как факт. Обида была эмоцией, а эмоции мешали видеть.

Он остановился у стола Рея, пока тот отвечал на звонок. На столе, под стопкой бумаг, лежали фотографии. Мужчина лет сорока на асфальте, на спине, глаза открыты. Женщина с синяком под глазом. Машина с вмятиной на капоте.

У монитора стояла рамка: Рей лет на десять моложе и женщина рядом, с таким же тяжёлым подбородком, смеётся, щурясь на воду.

Джулиан взял верхний снимок.

— Это что?

Рей обернулся, телефон ещё у уха. Положил трубку.

— Не ваше дело. Другое.

Джулиан не вернул фотографию. Он смотрел на руки лежащего: вытянутые вдоль тела, ладони открыты, ссадин нет. Пьяные падают, выставляя руки вперёд, это рефлекс, который не пропьёшь. Этот не падал.

— Не ищите пьяницу, — сказал он. — Его положили.

Рей замер.

— Я вас не спрашивал.

Джулиан положил снимок обратно на стол, но не туда, где он лежал: на два сантиметра левее. Рей посмотрел на фотографию, потом на него. Ничего не сказал. Только забрал снимок, вытер уголок рукавом, как будто Джулиан оставил на нём отпечатки, и убрал в ящик. Потом достал блокнот и записал что-то одной строкой. Джулиан не видел, что.

— Мне нужен прокурор, — сказал Джулиан. — Кто подписывает запросы?

— Лоу. Дэвид Лоу. Помощник федерального прокурора, офис через дорогу.

— Он меня ждёт?

— Нет. И рад не будет.

— Меня редко ждут с радостью.

Рей хмыкнул теплее, чем собирался, и сам это заметил.

— Удачи, — сказал он и отвернулся.

У выхода Джулиан остановился у стола женщины с кружкой. Тэмми, детектив, немолодая, с короткой стрижкой и глазами, которые давно ничему не удивлялись.

— Рей сказал, у вас можно взять кофе. Один раз.

Она посмотрела на него долго.

— Можно. Но не сегодня.

— Понял. В другой раз.

Он вышел. Пахло ковром и остывшим кофе, и больше ни-

чем.

Офис федеральной прокуратуры встретил его холодом и эхом: мраморный пол, который отражал каждый шаг, воздух без запаха, стерильный до неестественности. Участок был местом, где жила усталая жизнь. Здесь была только функция.

Секретарь, молодая и напряжённая, будто боялась лишнего движения, посмотрела на бейдж, на него, снова на бейдж.

— Без записи?

— Да. Дело срочное.

Дэвид Лоу оказался не таким, каким Джулиан его себе представлял. Не циничный карьерист и не заплывший бюрократ: худой, лет сорока пяти, очки в тонкой оправе, рубашка отутюжена до острых складок, бордовый галстук с безупречным узлом. Он смотрел на самого Джулиана, а не на бейдж, прямо и без спешки.

— Садитесь, агент Кроу.

Джулиан сел, положил портфель на колени и не открыл.

— Мне нужны запросы на Comcast и T-Mobile. Метаданные: IP-сессии, имена, адреса, время. Не содержимое. Структура.

— Основание?

Он достал четыре папки и положил на стол обложками вниз.

— Четыре штата, четыре жертвы. У всех компьютеры выжжены не сбоем, а направленно. У двоих в кэше телефона один и тот же почтовый сервер, зарегистрированный здесь.

Это не самоубийства, мистер Лоу. Это управление. Кто-то довёл их до точки, и сделал это через ваш город.

Лоу открыл одну папку, быстро просмотрел, закрыл.

— Вы говорите о доведении до самоубийства цифровыми средствами. Это серьёзное обвинение.

— Это серьёзный паттерн.

— Четыре штата это дело Бюро. Но Миннеаполис мой округ, и запросы подписываю я. Если это совпадение, вы потратите моё время и деньги налогоплательщиков.

— Это не совпадение.

Лоу постучал пальцами по столу, один раз, тихо. Джулиан ждал. Он видел такие лица: людей, которые подписывают бумаги так, как другие переходят улицу, быстро и не глядя по сторонам, потому что не хотят быть тем, кто решил. Но подпись всё равно будет.

— Две недели, — сказал наконец Лоу. — Запросы подпишу. Каждую пятницу хочу отчёт. Не сводку, а детали: что нашли, что проверили, что отбросили. Не найдёте ничего, что выдержит суд, закрою запросы, и дело вернётся в Вашингтон, а вы вместе с ним, с рапортом о том, что обещали имя.

— Хватит.

— Comcast ответит быстро, T-Mobile дольше. В течение суток получите первое.

Джулиан встал, убрал папки.

— Через две недели у вас будет имя.

— Агент Кроу.

— Да?

— Надеюсь, вы не из тех, кто обещает.

Джулиан не обернулся.

— Я из тех, кто выполняет.

Дверь закрылась без хлопка. Он вышел и только на улице заметил, что дышит ровно. Лоу не пугал. Он был из тех, кто сам станет жертвой собственной осторожности, если кто-нибудь вовремя не вытащит его на свет. Джулиан это отметил. Использовать пока было нечем.

Телефон завибрировал, когда он сел в машину. Три долгих импульса. Не коллега, не местный. Вашингтон.

— Кроу.

— Ты где.

Это был не вопрос. Голос Эллисон Парк, низкий, с хрипотцой женщины, которая двадцать лет слушает людей, которые ей врут.

— Работаю.

— Ты в Миннеаполисе меньше суток и уже ходил к прокурору. Он мне звонил. Лично.

— Я знаю.

— Знаешь. Ты положил перед ним четыре папки, сказал «через две недели будет имя» и ушёл, не спросив его мнения.

— Он дал мне две недели.

— Он дал тебе две недели, потому что ты не оставил ему выбора. — Пауза. Он видел её: маленькая, лет пятидесяти, короткая стрижка, которую она делала сама, из принципа,

будто чужие руки у её головы это слишком много доверия. На стене в кабинете фотография с мужем на фоне горного озера, повешенная не для красоты, а чтобы помнить, что есть жизнь вне отчётов и трупов. — Я сказала ему, что ты лучший в моём отделе. Что если ты говоришь «будет имя», оно будет.

Он молчал. После «и» всегда шло «но».

— Но я также сказала, что ты ходишь по краю. И если упадёшь, я тебя не подберу.

Она говорила ему это не впервые. И каждый раз подбирала. Это был их договор, без слов и без рукопожатий: он делает, она прикрывает, пока результат стоит риска. До сих пор стоил.

— Я понял.

— Ты услышал. Это разные вещи. — Она выдохнула. — Держи меня в курсе. Каждый день. И не геройствуй, Джулиан. Это не кино.

Связь оборвалась. Эллисон ворчит, значит, прикрывает. Замолчала бы, значит, сдала. Он знал её язык лучше, чем она думала. Щит не любят, он просто стоит между тобой и тем, что летит в голову.

Вечером он сидел в номере у окна, и город внизу лежал мерцающей лужей, как накануне. Телефон на столе лежал экраном вниз. Ноутбук ожил раньше, чем обещал Лоу: письмо от Comcast, три адреса, три IP-сессии. Два жилых, один коммерческий. Все три в районе Филлипс.

Он открыл карту. Филлипс был серым пятном на теле го-

рода: старые дома, пустыри, маленькие офисы. Место, где никто не смотрит дважды.

Один из адресов находился в двух кварталах от бара на Николет.

Он не стал делать выводов. Просто отметил.

Он подошёл к окну. Внизу, в этой тьме, текла невидимая река, и где-то в сером пятне стоял сервер, и сидел человек, которому принадлежал сервер. Он не знал, мужчина это или женщина.

Он выключил свет. Комната стала чёрной. Только экран ноутбука, три адреса, светился, как три окна в доме, где никто не живёт.

Глава 3

Дом с качелями

Рей заехал за ним у участка в начале девятого, хотя Джулиан не просил.

— Вам нужен местный, — сказал он, не вылезая из машины. — Иначе вас в Филиппсе остановят в первый час. И не по-хорошему.

Старый «Форд» с царапиной на крыле пах табаком и кофе. Джулиан сел справа, положил портфель на колени. Свой BMW он оставил на парковке: снаружи обычная «пятёрка», и только если знать, что искать, видно, что стёкла толще, чем нужно, а двери тяжелее.

Первые минуты они ехали молча. Не напряжённо, а так молчат люди, у которых нет причин говорить. Потом Рей сказал, не поворачивая головы:

— Вы в Миннеаполисе впервые?

— Да.

— И как?

— Серый.

— Это сентябрь. В июле он зелёный, в январе белый. Сейчас серый, как всё здесь.

Дорога уходила к югу. Дома становились ниже, заборы вы-

ше, граффити плотнее.

— Сколько в Бюро?

— Шестнадцать лет.

— И много таких дел? Четыре штата и один город?

— Достаточно, чтобы не верить в совпадения.

Рей кивнул. Не потому что согласился: потому что отметил.

— У меня так: верю в то, что вижу. Пока не увижу, не поверю.

Это была проверка. Джулиан её узнал. Рей хотел посмотреть, станет ли он доказывать, давить, убеждать. Джулиан не стал. Он смотрел в окно. Люди, которые ждут возражений, получают от молчания больше, чем от любых слов.

— Филлипс, — сказал Рей, когда они свернули на Николет. — Половина домов пустует. Город не сносит, владельцы налогов не платят. Люди приходят и уходят, никто не следит.

— Значит, место подходит.

— Для чего?

— Для всего.

Рей посмотрел на него секунду и отвёл глаза.

Дом стоял на 13-й авеню в конце ряда: двухэтажный, обшарпанный, с заколоченными окнами и сорванным замком на двери. Но мёртвым его делало не это.

Во дворе, у самого крыльца, торчала детская площадка. Ржавая, перекошенная, с качелями, которые давно перестали быть качелями: цепи приросли к перекладине. На одной

висела красная тряпка, выцветшая до цвета старой крови. Ветер шевелил её и не срывал. Как будто она решила остаться.

Джулиан смотрел на площадку секунду. Потом отвернулся.

Под курткой, на левом плече, что-то повернулось. Коротко, как зверь во сне. Он не придал этому значения.

— Вы идёте? — спросил Рей.

Внутри было темно. Свет пробивался сквозь щели в фанере узкими полосами, и в этих полосах висела пыль, не двигаясь. Пахло плесенью и сыростью, а под ними слышалось другое, сладковатое и тошное, как будто здесь когда-то пролили молоко, и оно так и не высохло.

Джулиан шёл медленно, позволяя дому говорить. Пол скрипел, доски прогибались, но держали. В первой комнате было пусто, только на стене остался прямоугольник, где краска не выцвела: кто-то снял картину. Уходя. Или чтобы не оставлять. Во второй на подоконнике стоял след от свечи, и воск застыл не до конца.

— Недавно, — сказал он.

— Может, подростки. Пьют, курят, жгут свечи. — Рей достал сигареты и остановился в дверях. — Я покурю.

Джулиан поднялся на второй этаж. Половицы местами зияли дырами. В одной из комнат пыль лежала ровным слоем, и в нём были свежие следы: небольшие, аккуратные, будто кто-то ходил в кроссовках и старался не шуметь. В углу ле-

жала куча тряпья. Не мусор: кто-то её складывал, аккуратно, как будто готовился остаться. Или уже оставался.

Дальше лестница в подвал: люк приоткрыт, петли скрипят. Внизу пахло сыростью и электричеством. Провода тянулись по стенам, старые, в паутине. Один кабель был новый, чёрный, гладкий, не из первоначальной проводки. Он уходил в стену, в нишу, которой не было на плане здания.

Джулиан поднялся наверх. Мимо второго этажа, выше. Туда, где по плану был чердак.

Там была комната, которой не должно было быть. Почти чулан. В углу на полу лежала тонкая пластиковая карточка без опознавательных знаков, а рядом кусочек изолянты: чёрный, свежий.

Он не стал трогать. Просто смотрел. Запомнил положение карточки, угол, тень, которую она отбрасывала на пыльный пол. Дом молчал.

Когда он вышел на крыльцо, Рей докуривал.

— Ну?

— Следы свежие. Кабель в подвале новый. Карточка наверху. Комната, которой нет на плане.

— Следы могут быть от кого угодно. От рабочих, от подростков, от бездомного.

— Кабель не от бездомного. И комната не от подростка.

— Я не вижу здесь дела, — сказал Рей. — Я вижу заброшку, в которую кто-то ходит.

— Это часть паттерна.

— Ваш паттерн. Не мой.

Джулиан почувствовал, как в груди что-то поднимается. Ровно, тихо. Он погасил это раньше, чем оно дошло до лица.

— Здесь есть что смотреть, — сказал он.

Они посмотрели друг на друга. Рей отвёл взгляд первым, но не потому, что уступил: ему было нечего добавить.

— Подвезти вас обратно?

— Да.

Они ехали молча. На светофоре Рей сказал, глядя вперёд:

— Не злитесь. Мы тут десять лет таскаем одно и то же. Каждое «дело» оказывается заброшкой, наркоманами или дракой в баре. Вы приехали в понедельник, а в среду у вас уже следы. Понимаете, как это выглядит?

— Понимаю.

— И?

— Мне всё равно, как это выглядит.

Рей хмыкнул. Не зло: устало.

Офисное здание на Чикаго-авеню было из тех, что не замечашь, пока не окажешься рядом. Три этажа коричневого кирпича, узкие окна с алюминиевыми рамами, на первом этаже кафе «Сир & Go» и стоматология, дальше витрина с объявлением «Сдаётся». Над входом чёрная купольная камера, ещё одна над парковкой.

Джулиан купил в кафе чёрный кофе и сел у окна. Отсюда был виден вход, парковка, кусок тротуара. Он пил и смотрел, как люди входят и выходят: рубашки, портфели, бейджи на

лацканах. Ничего, что выбивалось бы. Допил, выбросил стаканчик, вышел и набрал номер, указанный на объявлении.

— Боб Хендерсон, управляющий.

— Добрый день. Пол Дэвис. Я представляю клиента, которому нужно помещение под архив. Без окон, с вентиляцией, в тихом конце коридора, подальше от входа. Желательно цоколь или первый этаж.

Пауза. Слово «клиент» значило деньги, и Джулиан слышал, как оно меняет голос на другом конце.

— Через двадцать минут буду.

Боб Хендерсон приехал на белом седане, круглый, румяный, в клетчатой рубашке поверх футболки, с брелоком, который звенел при каждом шаге. Рука у него была мягкая и тёплая, рука человека, который жмёт руки каждый день и не думает о том, как.

— Покажу, что есть. Два свободных, на втором и на третьем. Хорошие, тихие, с окнами.

— Клиенту окна не нужны. Ему нужны стены, пол, вентиляция и тишина.

— Это обычно цоколь. А цоколь у нас не сдают: склад, технические. — Боб почесал затылок. — Ну, посмотреть-то можно. Только там не уютно.

Джулиан достал бумажник. Не демонстративно, как достают вещь, которую всегда носят с собой, и положил на подоконник три сотни. Аккуратно, ровно.

— За беспокойство. Пять минут, и всё.

Боб посмотрел на деньги. Потом на Джулиана. Потом снова на деньги. Это было полмесяца его аренды за пять минут и никакого риска.

— Только ничего не трогайте. И если спросят, я не показывал.

— Договорились.

Лестница в цоколь была уже и холоднее, ступени бетонные. Боб щёлкнул выключателем, и по коридору вспыхнули тусклые лампы, по одной на секцию.

— Технические. Щитовая. Склад. Вот двое арендуют: логистика, у них коробки, и частное лицо. Редко появляется, но платит вовремя, полтора года. Месяц назад продлил.

— Кто?

— Рэймонд. Фамилию не помню, договор через агентство. Мне главное, что деньги приходят. — Боб пожал плечами. — Тихий. Приходит после шести, иногда ночью. У него свой ключ.

— Камеры здесь есть?

— В коридоре одна. Сломалась неделю назад, заказал ремонт, ждём мастера.

Неделя. Месяц. Джулиан кивнул и ничего не сказал.

Последняя дверь направо была закрыта, без таблички и номера. Боб достал запасной ключ с биркой «В-7» и, помедлив, открыл.

Комната была метров двадцать: бетонные стены, бетонный пол, низкий потолок с трубами, одна тусклая лампа. Ме-

таллический стол с выдвижными ящиками, два белых пластиковых стула, картонная коробка в углу, закрытая, без надписей. У двери маленькая металлическая корзина с белым пакетом.

Джулиан вошёл первым и смотрел по очереди. Стол чистый, но не пыльный: кто-то вытирал. На краю, на сложенной салфетке, стояла белая чашка. Он коснулся её тыльной стороной пальца. Чуть тёплая. Кто-то вышел отсюда минут пятнадцать назад. Стулья расставлены симметрично. Крышка коробки лежит ровно. В пакете в корзине комок бумаги: один лист, может, два.

— Потолки какие? — спросил он, наклоняясь, будто рассматривал пол.

— Два сорок. Где трубы, ниже.

— Вентиляция работает?

— Вон решётка. Гудит иногда.

Боб рассказывал про трубы. Левая рука Джулиана потянула край пакета, пальцы взяли лист, сложили, и лист ушёл в карман куртки. Боб не видел. Джулиан выпрямился.

— Спасибо. Передам клиенту.

Наверху они ещё посмотрели помещение на втором этаже, и Джулиан сказал, что подумает. Боб пожал ему руку: мягко, тепло, как человек, у которого всё сложилось.

В машине Джулиан закрыл дверь, и стало тихо. Достал ли-сток.

Мятый, с надорванным краем, печатный текст мелким

чёрным шрифтом с размытыми краями, как с плохого принтера. Вверху логотип: круг с линиями, похожий на паутину. Нижняя часть оторвана. Но имя уцелело, мужское, чёткое, напечатанное.

Дэниел Уайт.

Оно было зачёркнуто тонкой линией, аккуратно, как вычёркивают выполненное.

Он набрал номер, который не значился в контактах, но был выучен наизусть.

— Да, Джулиан. — Тоби ответил после первого гудка, быстро, будто ждал.

— Дэниел Уайт. Миннеаполис. Всё, что найдёшь. Быстро.

— Полчаса. Может, меньше.

Он откинулся на спинку и закрыл глаза. Здание напротив стояло обычное: кирпич, кафе, люди входят и выходят. Джулиан думал о двери в конце коридора. О столе, который кто-то вытирал. О стульях, которые кто-то ставил ровно. О камере, сломавшейся через неделю после того, как Рэймонд продлил аренду.

Телефон зазвонил через двадцать минут.

— Есть, — сказал Тоби, и голос у него был быстрее, чем обычно. — В Миннеаполисе два Дэниела Уайта. Первому сорок шесть, строитель, пригород, чистый. Второму тридцать один, Филлипс, нигде не числится, ни налогов, ни пособий, но тоже чистый. Ни приводов, ни связей. Я копнул шире, по стране. Есть третий.

Джулиан ждал.

— Дэниел Уайт, двадцать восемь лет. Юклер, Висконсин. Найден мёртвым в своей квартире четыре дня назад. Самоубийство. Компьютер — кирпич.

Тишина. Куски складывались, и картина, которая получалась, была той, которую он искал с первого дня.

— Это пятый, — сказал Тоби тихо.

— Пятый, — повторил Джулиан.

Бумага в кармане стала тяжелее, чем должна быть листок бумаги. Список. Кто-то вычёркивал имена. И этот лист выбросили в корзину, как выбрасывают отработанное, в комнате, где держали сервер, за дверью без таблички, в двух кварталах от бара, где он вчера пил бурбон.

— Джулиан? Ты здесь?

— Здесь. Тоби, мне нужен весь список. Кто арендовал, кто платил, кто за ним. Не «Рэймонд», это псевдоним.

— Уже иду в агентство. Но мне нужен человек на месте, у них защита, которую я не знаю. Поищу. Но это не сегодня.

— Ищи. И, Тоби: про Уайта пока никому.

— Это улика, Джулиан.

— Знаю. Пока никому.

Он отключился. Достал второй телефон и набрал номер Лоу, который ему дали в первый день.

— Лоу.

— Кроу. У меня зацепка. Чикаго-авеню, подвал в офисном здании. Арендатор по имени Рэймонд Кэрр, договор че-

рез агентство, платежи идут через цепочку компаний. Мне нужно время и доступ к бухгалтерии агентства. Я остаюсь.

Он не спрашивал. Он говорил так, как кладут папки на стол обложкой вниз. Пауза на том конце была долгой: Лоу считал. Зацепка была настоящей, а отчёта пока не было, и отказать значило остаться без имени, которое ему пообещали.

— Приходите в понедельник, — сказал Лоу тихо и без радости. — Обсудим условия.

— Обсудим.

Лоу отключился первым.

Джулиан опустил телефон на колено. Про Уайта он не сказал ни слова. Он знал, что должен был. Знал, что не станет. Пятая жертва была его: лист в кармане, имя под линией. Расскажи он, к подвалу придут все, и дверь без таблички перестанет быть его дверью.

Пять. Пятый умер четыре дня назад. Если ритм сохранится, то чей-то месяц уже идёт. Где-то в этом городе человек замолкает, продаёт вещи, возвращает долги. Он ещё не знает, что за ним смотрят.

Дракон под курткой молчал. Он завёл двигатель, и BMW отозвался ровным плотным рокотом. Джулиан выехал на Чикаго-авеню и поехал в отель. И всю дорогу в зеркале заднего вида качалась красная тряпка, хотя её там не было.

Глава 4

Спрячься

Ресторан назывался «Сполдинг»: деревянные столы, потемневшие от времени и чужих локтей, лампы тёплого жёлтого света, меню мелом на доске. Суп дня томатный, пирог с курицей, кофе в разных кружках, будто их собирали по одной у разных людей.

Джулиан сидел у окна и ждал, пока Тоби доберётся до агентства. Кофе остыл. Он не ел. Он редко бывал голоден до дела: голод приходил после.

За окном прошёл человек с собакой. Собака была старая, шла медленно, и человек ждал её на каждом шагу. Потом улица опустела. Серое небо, мокрый асфальт. Всё то, что город называл днём.

Телефон завибрировал на столе.

Неизвестный номер. Но цифры он знал наизусть, хотя прошёл год. Он не ответил. Перевернул телефон экраном вниз. Металл стукнул о дерево глухо, как крышка. Вибрация оборвалась.

Через минуту началась снова. Он смотрел в окно. Третий раз он взял трубку, не сразу, и принял вызов.

— Да?

Пауза. Не пустая, плотная. Как будто на другом конце кто-то улыбался.

— Джулиан. — Низкий, спокойный голос с ленцой. С той ленцой, которая бывает у людей, которым некуда спешить, потому что время работает на них. — Какие у тебя веские причины игнорировать мои звонки?

— Их несколько.

— Назови хоть одну.

— Не хотел.

Смешок. Короткий, одобрительный: как будто ему понравилось, что младший не размяк.

— Я вернулся в Вашингтон. Хотел встретиться. Ты бы знал заранее, если бы брал трубки.

— Я думал, Швейцария подходит тебе больше.

— Подходит. Туда я и вернусь. Но пока я здесь, тебе стоило бы познакомиться с моей невестой.

Джулиан смотрел на пустую кружку. На тёмное пятно от кофе, которое расплзлось по дереву, как карта без названий.

— Она хорошая, — сказал Адриан. — Тебе понравится. Она не такая, как ты думаешь.

— Я ничего не думаю.

— Ты всегда что-то думаешь, Джулиан. Просто не говоришь. Это твоя главная проблема: молчишь, когда надо говорить, и говоришь, когда надо молчать.

Пауза. Джулиан слышал, как брат дышит. Ровно. Он ни-

когда не повышал голос, даже в детстве. Он делал тише, и от этого становилось хуже.

— Ты в Миннесоте. Я проверял. Работа?

— Работа.

— У тебя всегда работа. Прилети на пару дней. Вашингтон не Миннесота. Здесь есть нормальные люди, рестораны, театры. Ты помнишь, что такое театр?

— Помню.

— Тогда приезжай.

— Мог бы. Но не стану.

Пауза затянулась, длиннее прежней. Джулиан знал эту паузу. Она была у отца. Она была у брата. Она всегда оказывалась длиннее, чем нужно, и в ней что-то висело недосказанное. Висок под шрамом зудел, как будто голос приходил туда, куда когда-то приходило что-то другое.

— Джулиан. — Голос изменился, не злой, а твёрдый, как точка в конце абзаца, который писался много лет. — Это не просьба. Твоё воспитание, как и раньше, оставляет желать лучшего. Не зря...

Дракон на плече стал горячим. Коротко, как предупреждение. Джулиан сбросил вызов.

Он положил телефон на стол. Экран погас. Руки не дрожали, дыхание не сбилось, но в комнате стало тише, или это было только для него. Тихо, как будто кто-то открыл окно и закрыл.

Брат звонил раз в год, может, реже. Всегда один и тот же

голос, ровный, как стена. Всегда «приезжай», «познакомься», «ты мог бы». Всегда пауза, в которую он вкладывал больше, чем в слова. Он был старше на шесть лет и с детства считал, что имеет право: на совет, на замечание, на руку. Джулиан не помнил, когда это началось. Помнил только, что оно не заканчивалось.

Он смотрел на правую руку: костяшки, старый белый шрам от удара о что-то твёрдое. Хотелось ударить. Не кого-то: просто ударить, пока в кулаке не останется ничего, кроме боли.

— Извините. Ещё кофе?

Официант, лет двадцати, в фартуке, который ему был велик, стоял в шаге от стола. Он смотрел с вежливой надеждой.

Джулиан даже не повернул головы.

— Спрячься, — сказал он сквозь зубы.

Официант замер. Открыл рот. Закрыл. Попятился, потом развернулся и ушёл быстро, не оглядываясь. Остальные посетители сделали вид, что ничего не слышали.

Он положил на стол купюры, больше, чем стоил кофе, не считая. Вышел. Холод ударил в лицо, и стало чуть легче. Не лучше. Чуть легче.

BMW стоял у тротуара. Он сел, закрыл дверь и не завёл мотор. Тишина в салоне была плотной, как вата. Он положил руки на руль и сжал, пока кожа не закрипела.

Адриану он не мог ответить. Ни ударом, ни словом. Телефон, голос, тысяча километров. Это было как драться с по-

годой.

Но злость требовала выхода, и он знал, что с ней делать. Он знал это лет с тринадцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.